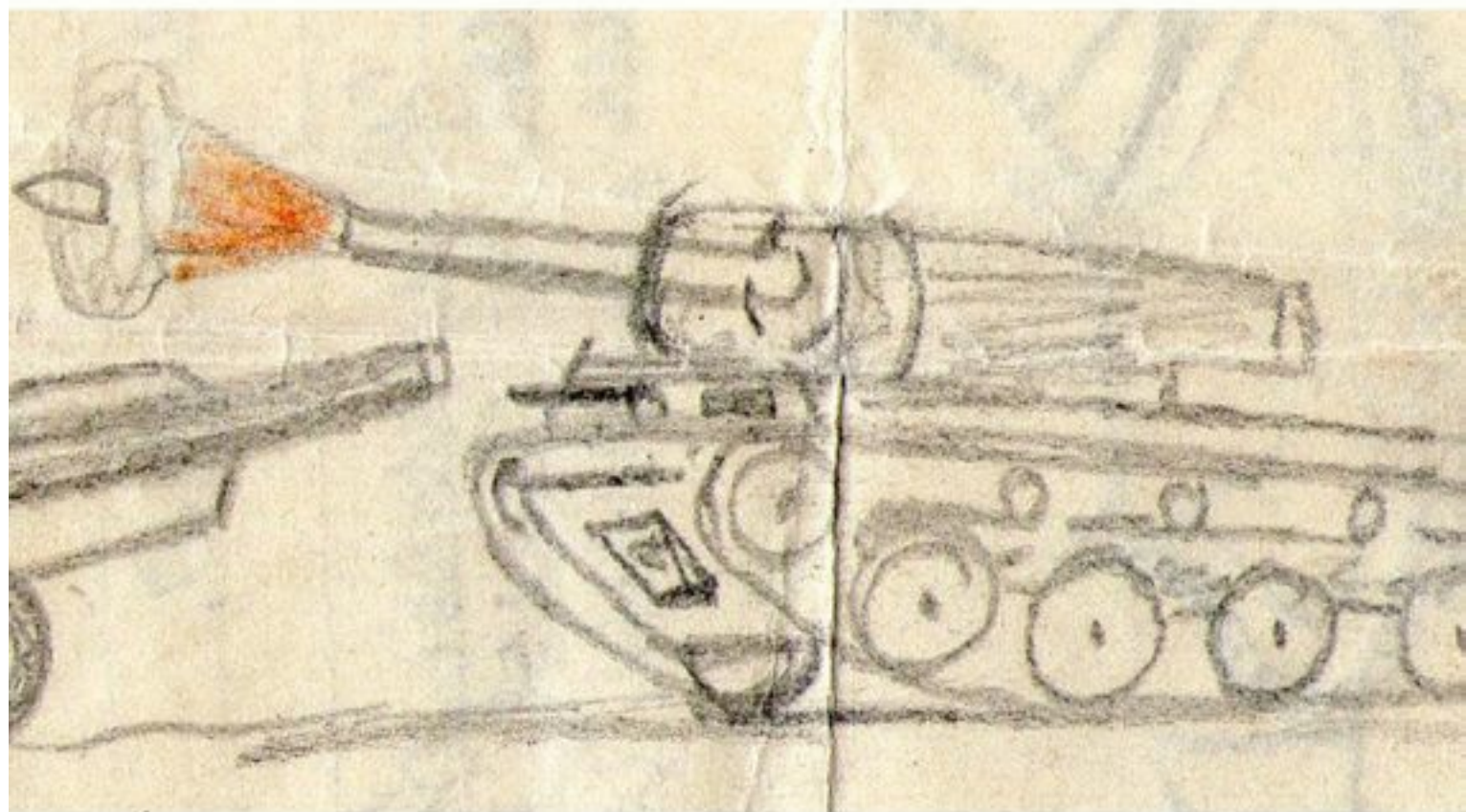

Виталий Васильевич Елисеев

1941—1945

Священная война

Виталий Елисеев
1941–1945. Священная война

«Издательские решения»

2015

Елисеев В. В.

1941–1945. Священная война / В. В. Елисеев — «Издательские решения», 2015

Для нас Великая Отечественная война воспринимается как Священная. Весь советский народ встал на защиту своей страны, своей Родины! Один из тех, кто с первого и до последнего дня Великой Отечественной войны был на фронте, был мой отец Елисеев Василий Ильич. Повесть «1941—1945. Священная Война» основана на военной биографии отца, а также на собственных воспоминаниях. В то время мне было 8 лет. Мама, я и младший брат всю войну прожили в прифронтовом городе Загорске (Сергиев Посад).

© Елисеев В. В., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Об авторе	6
Предисловие	7
Глава 1. 22 июня 1941 года	8
Глава 2. Повестка	10
Глава 3. Руки вверх!	14
Глава 4. Настенька	16
Глава 5. Мы не заключенные	20
Глава 6. Кадровый разведчик Ганс Зильберт	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

1941—1945
Священная война
Виталий Васильевич Елисеев

Война не кончается. Она отдыхает.
Урсула Козел.

© Виталий Васильевич Елисеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Об авторе

Елисеев Виталий Васильевич. Родился в 1933 году в семье служащего в посёлке Вербилки Московской области, где отец Елисеев Василий Ильич работал техническим директором на Дмитровском фарфоровом заводе.

В 1937 году был вынужден перейти в московский институт ГИЭКИ на должность инженера по причине, коснувшейся многих в этот период. Этот переход спас ему жизнь. Об этом периоде книга 1 «Лихолетье», которая в Интернете.

После возвращения в декабре 1945 года отца из армии, он был направлен в город Славянск Сталинской области (ныне Донецкой) директором на восстановление Арматурно-изоляционного завода. Там я окончил среднюю школу и в 1951 году поступил в МВТУ им. Баумана, которое окончил в 1957 г.

С тех пор моя трудовая деятельность была связана с оборонной промышленностью.

Выбор был сделан осознанным. Пережив жесточайшую войну, я впитал в плоть и кровь, что наша мирная жизнь зависит от того, насколько мы сильны: духовно, в вооружении, промышленностью и сельским хозяйством, чтобы противостоять любому агрессору и нести Мир народам планеты.

В 1993 г. вышел на пенсию и занялся литературной деятельностью.

В 2014 г. в Интернете вышла моя первая автобиографическая повесть «Лихолетье» из автобиографического цикла «На том берегу». В неё войдут, кроме названной, ещё 7 книг. Каждая следующая, это продолжение предыдущей.

Представляемая на суд читателей вторая книга «1941—1945» написана на основе реальных фактов и событий.

С огромным уважением В. Елисеев.

9 мая 2015 г.

Предисловие

В одной из телевизионных передач, лет двадцать тому назад, молодой человек с экрана сказал: «Жаль, что в войну нас не победили немцы. Мы бы сейчас также жили, как они!»

К сожалению, этот молодой человек не знаком с содержанием программной книги А. Гитлера «Mein Kampf». В ней он бы увидел уготованное ему место согласно доктрине и планов Гитлера после победы над Советским Союзом. Он не только лелеял эту мечту, а воплощал её в жизнь в сотнях лагерей смерти. В их топках предполагалось, в соответствии с планами, уничтожить большую часть населения нашей страны, оставив 20 миллионов для обслуживания железных и шоссейных дорог на территории Советского Союза, а в Германии для обслуживания немцев.

Для этого советских людей требовалось превратить «в Иванов, не помнящих родства», лишив их своей письменности, национальной культуры, традиций. Этим быдлом должны были стать те, кого оставили в живых.

И вряд ли молодой человек, грустивший о нашем поражении, мог в дальнейшем появиться на свет.

А появился он только потому, что в Великую Отечественную войну миллионы людей, которые хотели жить, любить, растить детей отдали свои жизни, защищая Родину, а не для того, чтобы 70 лет спустя им в спину воткнули нож.

Я хорошо помню войну. Мне было восемь лет. Все пришлось пережить: голод, холод, болезни, гибель друзей, радость Победы.

Время идет. Военная техника развивается. Она достигла своего наивысшего уровня. Мировая война, если она произойдет, не будет затяжной, но в ней не будет и победителей.

Мы полностью еще не познали всю изощренность, беспредельность развития человеческого разума на пути совершенствования традиционной военной техники, создания новых направлений для уничтожения себе подобных. Современная ракетно-космическая техника. Она не способна защитить страну-агрессора от возмездия, поэтому играет очень важную роль сдерживающего, стабилизирующего фактора. Пока под ракетно-ядерным зонтиком страны, народы чувствуют себя в относительной безопасности. Свершится беда, если зонтик прорвется.

А что дальше? Дальше создание военных баз на Луне, позволяющих достичь превосходства, разработка климатического оружия, использование генной инженерии и многое другое, чего мы еще не знаем, к чему не подошли.

Если я сумею книгой «Священная война» как-то повлиять на тех, кто считает, что нам сейчас не нужна Армия, вооружение, потому что на нас никто не собирается нападать, эти люди сильно заблуждаются. Прислушайтесь к высказыванию Генералиссимуса А. В. Суворова о том, что «порох надо держать сухим». Александр Васильевич не мог знать, но как гений он оказался прав. Через много лет основным видом вооружения стали твердотопливные стратегические ракеты с ядерными боеголовками. Поэтому его высказывание о порохе актуально и для наших дней.

Глава 1. 22 июня 1941 года

В апреле 1941 года офицера запаса Елисеева приписали к танковой части под Нарофоминском. Занятия в Горвоенкомате с офицерами запаса проводил майор-танкист. В начале июня на одном из занятий он, не раскрывая сути, намекнул: «Наши занятия могут быть прерваны и начаться в другом месте». Что он имел ввиду? Намекал на возможную скорую войну?

В воскресенье 22 июня 1941 года бригада инженеров Государственного научно-исследовательского электрокерамического института, в числе которых был Елисеев, работала на московском заводе «Изолит».

В течение мая-июня они вели отладку построенной туннельной печи.

Около десяти часов в цеху неожиданно появился дежурный по заводу.

– Скоро по радио будет передано важное правительственное сообщение, – волнуясь, сообщил он.

Это известие выбило из колеи. Работу прекратили и всей бригадой пошли в заводоуправление, где было радио.

Вместо «Последних известий» диктор призвал всех к вниманию.

– Слушайте! Слушайте! Сегодня в 12 часов дня будет передано важное Правительственное сообщение.

В чем его суть, о чем оно будет, сказано не было. Неопределенность хуже всего. Недосказанность породила разные догадки, предположения. Длительное ожидание только усиливало тревогу.

В 12 часов по радио выступил нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов с заявлением о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну..

До его выступления трудно было предположить, что фашистская Германия осмелится напасть на нас. Не хотелось в это верить. А оказалось, что война уже несколько часов бушевала у наших западных границ.

Уже не было мирного, солнечного неба над головой, а было военное с самолетами, разрывами зенитных снарядов.

Правительству, военным было известно, что фашистская Германия в течении нескольких лет готовилась к войне с нами. Поэтому она не могла быть вероломной и неожиданной. Проспали. Они обязаны были ее предвидеть и сделать все, чтобы она не была таковой.

Радио разнесло по стране и за ее пределами весть о том, что сухопутные войска фашистов перешли на большом протяжении по фронту нашу государственную границу, а авиация бомбовыми ударами с воздуха обрушилась на наши города, Львов, Киев, Минск и другие.

После выступления Молотова, не приступая к работе, разъехались по домам.

***

Календарь листок за листком отсчитывал дни. Прошло семь дней, как меня положили в больницу, а до выздоровления было еще далеко.

После обеда в палату пришла медсестра. По ней было видно, что она взволнована. В тазу, который она принесла с собой, был ворох нарезанных из газет узких полос. Их она стала наклеивать «крест накрест» на стекла. Моя койка была возле окна. Я спросил ее, зачем она это делает?

– Чтобы от сильного ветра стекла не вылетели, – ответила она и продолжила заклеивать окна. Ей было не до меня.

После ее ухода палата превратилась в растревоженный улей. Говорили все, перебывая друг друга, многократно повторяя одно и тоже слово «война».

Я прислушивался к тому, о чем говорили взрослые, но мало, что понял. Ко мне вернулся сосед по койке.

– Закончилось для тебя безмятежное детство и не 1-го сентября, а сегодня – 22 июня 1941 года, – проговорил он, поднялся и пошел на перевязку.

Возвратился довольно быстро.

– Попросил врача побыстрее выписать меня. Хочу добровольцем пойти на фронт, – сообщил он, едва войдя в палату. Для него это было не простым решением.

Глава 2. Повестка

Ночью с 22 на 23 июня В. Елисееву принесли на дом мобилизационную повестку с указанием, по получении, немедленно прибыть в горвоенкомат.

Возле военкомата, во дворе, в коридорах толпились призывники. А новые подходили и подходили.

Короткий разговор с военкомом. Направление в Брест.

– Обмундирование, оружие получите на месте. С собой возьмите продовольствия на три дня, не больше, – предупредил военком.

Из военкомата к нам в палату пришел проститься со мной. Задержался дольше обычного. Сказал, что уходит на фронт, но скоро вернется и мы заживем как и прежде. Просил без него во всем слушаться маму и ей помогать. Попрощавшись в палате со всеми, ушел. Я воспринял его уход легко, как это бывало ни раз, когда он надолго уезжал в командировку. Тогда я не понимал, что это за страшное слово война.

Из больницы папа пошел домой за вещами. Простившись с мамой, поехал на Белорусский вокзал.

Как у истинного интеллигента, кроме фетровой шляпы, которую в ту пору носила только она, галстука, коверкотового серого цвета макинтоша, хотя было жарко, но мама настояла взять его на случай холодной погоды, полуботинок, ничего другого, более подходящего, у него не было. Простого мешка, который можно было забросить на спину как вещевой мешок, и того в доме не оказалось. С собой взял небольшой дорожный чемодан. На войну собрался, как прежде, в командировку.

Кто тогда мог предположить, что война будет такой затяжной, с большими потерями. Неделя, две и наша доблестная Красная Армия разгромит немецких фашистов и вышвырнет их с нашей территории. Так думали многие. Так думал и он, когда сказал мне, что скоро вернется.

Белорусский вокзал был переполнен. Одни грузились в эшелоны и отъезжали на запад, а новые подходили и подходили. Раздавались громкие команды на построение. По платформам проходили отряды. Рядом шли матери, жены, дети. Маленьких отцы несли на руках до вагонов. Огромная человеческая трагедия. В те дни море слез пролилось на вокзале.

К кому он не обращался по поводу поезда на Брест, никто толком ничего ответить ему не мог. Подошел к расписанию. Оно было заклеено-переклеено и походило на лоскутное одеяло.

– Что рассматриваешь-то? – вопрос был обращен к нему. Рядом стоял мужчина средних лет, на которого он до этого не обратил внимание.

– Поезд на Брест.

– Слушай, какой тебе Брест, – мужчина зло выругался. – Его уже заняли немцы!

– Не болтай! – грубо одернул его.

– Не веришь? Сам скоро убедишься, – проговорил мужчина, отошел в сторону и растворился в толпе.

В этот день поезда на Брест не было.

На следующий день на вокзале узнал о формировании специального эшелона для кадрового командного состава.

На сборном пункте познакомился с Михаилом Буяновым, Владимиром Орочко и Александром, такими же интеллигентами, как и он с направлениями в Брест. Среди них внешним видом и манерами выделялся Орочко. Высокий, интересный. «Кудри черные до плеч» придавали ему сходство с Евгением Онегиным. Вальяжный, не собранный. Эдакий фронт, сошедший с картины. Во всем этом была страшная нелепость. Уезжал он не на прогулку, а убивать.

Провожала его очень красивая, яркая женщина с темными лучистыми глазами. От нее исходил не леденящий душу холод красавицы, а душевная теплота. Это было видно по тому, как она разговаривала, как сопровождала сказанное выразительными жестами, едва заметными взмахами руки, наклоном головы. Ее жесты говорили о большем, чем слова. Новое темное, плотно облегавшее ее статную фигуру, платье, золотые сережки, стройные ноги в прозрачных фильдеперсовых чулках, туфли на высоком каблуке под цвет платья, небольшая дамская сумочка в руке, завершали ее облик.

Они стояли друг против друга такие нелепые среди происходящей вокруг них суеты, громко отдаваемыми командами, построениями, тяжелым топотом сотен ног.

Она что-то говорила ему. Он делал вид, что слушает, но, видимо, в этот момент его мысли были где-то далеко. Это не ускользало от внимания женщины и она, время от времени, задавала ему один и тот же вопрос: «Володя, ты меня слушаешь?»

Сашу провожала мама. Он был неженатым молодым человеком.

– Сашенька, милый! Обещай мне не пить сырую воду, не закапав в нее несколько капель йода, – напутствовала она.

– Мама, я же врач, – негромко отвечал он и оглядывался по сторонам. Его смущала такая забота матери. Было неудобно, если кто-то услышит ее наставления.

Буянов был один.

Состав на Брест задерживался. Наконец его объявили. И тут отовсюду, с других платформ перетекли на платформу отправления тысячи людей. Шум, гам, суета, крики, плачь смешалось воедино, как бывает при трагических событиях.

Скрежеща тормозами, состав остановился. Возле дверей вагонов началась давка. Как и договаривались, вчетвером заняли купе.

Когда на платформе остались провожающие, возле их окна появилась прекрасная женщина, таинственная и одновременно манящая к себе. На ней скрестилось множество глаз, смотревших из окон. И ни один из них, вероятно, подумал: «Каково уезжать-то от такой красавицы!»

А она старалась не замечать устремленные на нее взгляды, смотрела в окно.

Минуты тягостного расставания затягивались. Наконец паровоз пронзительно, разрывающее душу, загудел, состав дернулся, залязгали буфера и вместе с вагонами по платформе двинулся людской поток что-то крича, размахивая руками, поднимая маленьких детей над головой.

Женщина не побежала. Она сделала несколько шагов, подняла руку, помахала ею и пальцами нежно прикоснулась к губам, посылая воздушный поцелуй.

Когда мимо окон поплыли пригороды Москвы, разговорились. Василий и Михаил были из Мытищ. Красивая женщина, которая провожала Володю, была известной актрисой театра на Арбате Анной Алексеевной Орочко. Володя был ее неженатым младшим братом. Четвёртым был Саша, молодой врач-хирург, недавно окончивший медицинский институт.

Дорогой говорили о войне, вспоминали довоенную жизнь.

Ночью за Можайском пережили первую бомбежку. Из тамбура последнего вагона подавали электрическим фонариком сигналы, пускали ракеты, наводя самолеты на эшелон. По вагонам побежала вооруженная охрана, но диверсант успел спрыгнуть на ходу поезда. Сброшенные на эшелон бомбы упали под откос, не причинив вреда.

Не доезжая Вязьмы эшелон еще несколько раз попадал под бомбежку. При каждой бомбёжке поезд замирал. Все разбегались. Елисеев сначала выбегал вместе со всеми, а потом махнул на бомбёжки рукой: «Всё равно, где убьют!»

В Вязьме состав задержали. За ней попали под жуткую бомбежку. Гудела, вздрагивала земля от взрывов. Машинист резко остановил эшелон, чтобы спасти людей. Из вагонов выскакивали и разбегались подальше от железнодорожного полотна. Володя Орочко побежал в кусты

и налетел на замаскированный шестиствольный зенитный пулемет, который неожиданно заработал по самолетам. Он затруднил прицельное бомбометание.

Сбросив бомбы, самолеты разворачивались и заходили на новый круг. Отбомбившись и не попав в состав, улетели. Дорогой их еще ни раз бомбили и к этому стали привыкать: «Какая разница, где убьют!»

На станции Алферово за Вязьмой их снова задержали. Из вагонов высыпали на платформу. Одновременно с ними на соседнем пути остановился встречный эшелон из Бреста с эвакуируемыми на Восток женщинами и детьми. Один из командиров увидел в окне жену и детей. Случайная мимолетная встреча. Он подбежал к вагону.

– Оля! Оля! Оля! – громко кричал он и размахивал руками, чтобы привлечь к себе внимание.

Она увидела его, прильнула к окну, он ей что-то кричит, она пытается ему через окно тоже что-то сказать. У многих, кто наблюдал за ними, защемило сердце при виде мечущихся людей. Она не успела ему ничего сообщить. Состав дернулся и стал набирать скорость. Некоторое время военный бежал рядом с вагоном, махал вслед рукой, потом остановился и расстроенный, раздавленный неожиданной встречей с семьей, возвратился в вагон.

Пропустив встречный, их эшелон продолжил путь на запад к станции назначения Брест.

Через трое суток пути днём переехали реку Березину и остановились на станции Борисов. Поезд дальше не шел. Кутерьма, неразбериха.

Узнать у кого-либо, когда их повезут дальше, было невозможно. Неясность обрастала слухами. Кто-то распустил слух, эшелон задерживают, потому что впереди разрушен путь. Как только его восстановят, их повезут дальше.

По-другому слуху путь не разрушен, но железную дорогу перерезали десантники. Когда их вышибут, не известно.

А воинские эшелоны, идущие на запад, прибывали. Ими были забиты все станционные пути.

Пока стояли, попали под бомбежку. Только успели выбежать из вагонов и укрыться за станцией, в их паровоз попала бомба. Густым паром окутало место взрыва. После того, как пар рассеялся, паровоза на путях не было. Вокруг были разбросаны искореженные части, которые недавно назывались паровозом. Рядом с тем местом, где он стоял, зияла большая воронка.

Когда самолеты улетели, на станции появились вооруженные десантники в штатском. Как внезапно они появились, так и исчезли.

Люди в эшелоне были на грани срыва. Стало ясно, дальше их не повезут.

Кадровый военный из эшелона взял на себя ответственность за людей.

– Занять круговую оборону! – была передана его команда.

От кого в тылу они должны обороняться? Тем не менее, команда была исполнена, круговая оборона вокруг вокзала занята. Обещали доставить оружие и раздать. Ждут, а его нет.

– Разгружаться! Добираться своим ходом до мест назначения, кто как может!»

У многих внутри что-то надломилось, треснуло, как сухая палка о колено от новой команды, непонятно от кого исходившей.

Через некоторое время построились. Со станции вышли нестройной колонной. Среди более тысячи человек не нашлось кадрового военного, который взял бы командование на себя и подчинил всех единой воле. Неуправляемая колонна, чем дальше удалялась от станции, тем быстрее редела. Одни ушли вперед, другие отстали. На развилках раздваивались. С кем отец ехал в купе, договорились держаться вместе и дальше.

Обсудили, куда идти дальше. Надежды, хотя бы пристать к какой-нибудь воинской части, не было. И тут им навстречу бегут летчики.

– Куда, – кричат, – идете! Там аэродром уже занят десантом.

Они повернули и вместе с ними побежали к железнодорожному мосту через Березину. Едва перебежали на другую сторону, мост за ними с грохотом рухнул в реку. Скорее всего, его взорвали десантники.

За мостом летчики отказались взять их с собой. Стали думать, как им поступать дальше? Решили идти вдоль железной дороги на Смоленск и там получить новые назначения.

Глава 3. Руки вверх!

Несколько дней они шли, избегая встречи с небольшими группами людей, которые могли оказаться немецкими диверсантами. Вызывала тревогу и встреча с патрулями, которые могли задержать их как дезертиров. Обрадовались, когда недалеко от железной дороги им на пути встретилось село. Оторванные от происходящих событий, они рассчитывали от местных жителей узнать о положении на фронте.

Возле околицы из кустов неожиданно выскочило им навстречу несколько человек, вооруженных вилами. У одного в руках была берданка. Их тут же взяли в кольцо, наставив на них вилы. Это был отряд самообороны.

– Руки вверх! – скомандовал им, по-видимому, старший и угрожающе направил двустволку в их сторону.

Пришлось подчиниться.

– Вы что здесь шляетесь? Куда идете?

Глаза старшего, как два бурава, так и сверлили недобрым взглядом. В каждом проходящем через деревню, они жаждали увидеть врага.

Стоя с поднятыми руками, рассказали, что с ними произошло и что идут они в Смоленск на мобилизационный пункт. Настроение людей было таким, церемониться с ними они были не намерены. За неосторожно сказанным или неправильно понятым словом, мог последовать самосуд.

– Мы ж свои, советские, – не выдержав напряжения, попытался убедить их Саша.

Это подлило только масла в огонь и породило большее недоверие к ним. Немолодой колхозник, не скрывая, сжал крепко рукоятку вил, приготовившись для удара. Он искренне верил в то, что задержаны диверсанты. И остальные, так же изначально настроенные, жаждали видеть в них диверсантов и поскорее расправиться с ними. Нашелся и подстрекатель.

– С такими космами советские люди не ходят! Да что с ними цацкаться! Вилы им в бок, и всё тут! Это переодетые немецкие шпиёны, – призывал мужичонка пронзительным бабьим голосом к расправе над ними, подзуживая остальных. – Не опускайте вилы, не позволяйте им опустить руки и запустить руки в карманы. У них там пистолеты!

Вокруг одобрительно зашумели, явно поддерживая мужичонку.

– Вот мы сейчас посмотрим, какие вы советские! Гришка, живо вытряхни у них все из карманов! – приказал старший пареньку, по возрасту между пионером и комсомольцем, стоявшем наготове с сучковатой палкой.

Гришка замешкался от неожиданности, да и страшно было обыскивать диверсантов, а в это он бесспорно верил, как и остальные.

– Да не трусь ты, – ободрил его старший, – если что, мы их враз на вилах вверх подыдем!

Гришка положил палку, с опаской приблизился к ним и стал выворачивать карманы.

– Ничего в них нету, – отрапортовал он, немного осмелев.

– Смотри в одеже!

Гришка расстегнул на них верхнюю одежду, осматривал и ощупывал подкладку, потом порылся в вещах.

Все это время они стояли с поднятыми руками.

Не найдя оружия, старший разрешил им опустить руки.

– А документы при вас какие есть? – спросил он.

Получив, он долго и придирчиво разглядывал их. Удостоверившись, что это не диверсанты, покачал головой.

– Воевать идете, а одеты как на прогулку. Всякое про вас могут подумать. И не берусь сказать, чем все это может закончиться.

– Расскажите, что происходит на фронте? – попросил Елисеев. – Мы для этого к вам и повернули.

– На фронте все отлично, – ответил старший. – Красная Армия отражает вероломное нападение. Не сегодня-завтра перейдет в наступление и войне конец. Хуже сейчас положение в тылу. Фашисты напичкали его диверсантами взрывать мосты, убивать мирных граждан, сеять панику. Поэтому мы здесь и стоим, чтобы не пропустить диверсантов в деревню. Больше ничего сказать не могу, потому что и сам ничего другого не знаю.

После неудачного захода в деревню, решили их обходить стороной и снова идти вдоль железной дороги.

Глава 4. Настенька

Не доходя Новосады, по дороге скопом шли беженцы, отступавшие войска. Тут же ехали машины, скрипели подводы. С ними они пошли дальше. Неожиданно из-за облаков вынырнули немецкие самолеты. Бомбы полетели в самую гущу. Люди в страхе заметались в поисках спасения. Началась паника. Мало кто остался в живых.

Возле убитой женщины маленькая девочка лет четырех рыдала и тянула ее за рукав: «Вставай! Мамочка вставай!» А в это время продолжали падать на землю бомбы.

Пробегая мимо них, Саша понял, женщина мертва и подхватил девочку на руки. Она отчаянно сопротивлялась, но он, крепко прижав ее, побежал к лесу, где было спасение.

– Что мне дальше с тобой делать? Мой долг помогать раненым, – проговорил он, обращаясь к девочке, когда они были в безопасности, наперед зная, что она его не поймет. А девочка от пережитого страха, крепко обхватила его за шею и не хотела отпускать.

Бросить ее он уже не мог, понимая, что она погибнет. Под платьем у нее билось маленькое сердечко и оно не должно остановиться. Теперь он был ответственным за ее судьбу.

К счастью, Василий, Михаил и Володя были живы. Никто из них не спросил Сашу, откуда девочка. Пережив такую бомбежку, им все было ясно и без слов.

– Володя, возьми девочку. Я должен помогать раненым, – проговорил Саша, передавая ее.

Бомбежка не кончилась, а Саша, Василий и Михаил помогали раненым. С убитых срывали одежду на бинты. Василия и Михаила с непривычки при виде окровавленных тел, мутило. Превозмогая себя, помогали Саше.

Среди беженцев оказалось несколько врачей. Помощь пошла быстрее.

Отбомбившись, самолеты улетели доложить об удачно проведенной операции, оставив после себя разбросанные повозки, предсмертное ржание лошадей, запутавшихся в построках среди горящих факелом перевернутых машин. А вокруг разорванные тела, раненые. Крики, стоны, мольба о помощи. Жуткое зрелище!

После пережитого страха, люди поднимались, помогали раненым, сносили убитых в одно место.

Когда уже нечем было помочь, Саша согласился идти дальше.

– Что с девочкой будем делать? – задал непростой вопрос Буянов.

Саша соотнес вопрос, адресованный, в первую очередь, к нему. Он считал себя ответственным за ее судьбу.

– Оставить ее здесь мы не можем. Она погибнет. Вряд ли ее кто-нибудь сейчас возьмет. Берем с собой. Сдадим в первый попавшийся детский дом, – высказал мнение Саша.

С ним согласились.

К ним подошел парень лет двадцати пяти.

– Куда направляетесь? – спросил он.

– В Смоленск.

– И мне туда же, – проговорил парень.

Дальше пошли впятером. Дорогой Саша переживал: «Кто будет помогать раненым» и в душе сожалел, что не уговорил на какое-то время еще задержаться.

Несли девочку по очереди на плечах. Бедная, она не понимала, куда ее несут папа Петя, папа Саша. Все они для нее были папами. Где мама и почему ее нет с ними? Саша объяснил ей, как мог, что мама ранена, ее увезли в больницу и они идут к ней. Девочка поверила и успокоилась.

На одном из привалов Саша снял платье с девочки и осмотрел ее. Тело было в струпьях от грязи и непосильной для нее дороги. Смазал зеленкой. Ничего другого, более подходящего, у него не осталось.

Помогал ему парень, который назвался Петром.

– Плохо, – проговорил Саша, одевая на нее платье.

Вечером остановились на ночлег в негустом лесу. Прежде всего, накормили девочку. Вынимали, у кого, что осталось. И уложили спать. Устав за день, она сразу крепко уснула.

Легли и сами.

Под утро, когда охватил их самый крепкий сон, что явилось причиной, Володя не понял. Он проснулся и увидел, как между деревьями мелькнул Петр со спящей девочкой на руках.

– Остановись! – громко закричал он и бросился вдогонку.

Нагнал его. Завязалась борьба. Петр был крепкого сложения, но мысль расправиться с негодяем придала Володе силы. Петр выхватил из-под одежды нож. Вовремя подоспели остальные. Били как по боксерской груше.

От криков девочка проснулась и громко заплакала, не понимая, что происходит. Почему бьют папу Петю? Саша взял ее на руки, пытаясь успокоить.

Когда Петр поднялся с земли, у Михаила зачесались кулаки дать этой сволочи еще раз в морду.

– Ты зачем девочку унес? – жестко, придвинувшись к Петру и дыша ему в лицо, спросил Михаил.

– Хотел взять в дочери.

– Врешь, сволочь! У меня руки на тебя чешутся! Признавайся, что хотел сделать! Убьем тебя, а спишут на диверсантов! – Михаил не мог успокоиться. Он уже считал Настеньку, так звали девочку, своей дочерью и готов был за нее на все.

– Хотел изнасиловать, – выдал из себя Петр, поняв, что лучше сказать правду, иначе не уйти ему отсюда живым. Добьют. – Чего переживаешь. На всех хватит!

– Вот тебе, сволочь, хватит! – Михаил со всей силой ударил его в лицо и сбил с ног. – Быстро убирайся отсюда, пока жив.

Собрав все свои пожитки, взяв полусонную Настю на плечи, пошли дальше.

Дождавшись, когда от него отошли на значительное расстояние, Петр поднялся с земли. Ощупал лицо и поглядел на руки. Они были в крови.

– Вы еще у меня попляшите! – и погрозил кулаком.

Буянов уже решил, что регистрирует девочку на свою фамилию. Жив останется, найдет ее, а если не вернется с войны, об этом не хотелось думать. Обсудил с остальными. Они согласились. Михаил больше всех подходил для роли приемного отца.

В поселке, через который проходили, от местных жителей узнали, что к ним эвакуировали детский приемник для потерявшихся детей.

В детском приемнике с Михаилом разговаривала заведующая.

Ему пришлось рассказать ей, что произошло с ними, откуда у них девочка, выразил желание удочерить ее и записать на свою фамилию. Все это время Настя сидела у него на коленях.

Заведующая засомневалась в обоснованности просьбы. У девочки могли остаться родственники, которые будут искать ее. Записывая девочку на другую фамилию, она исключала в дальнейшем возможность родственникам найти ее. Поэтому была против такого скороспелого решения.

– Настя, как звать твоего папу? – обратилась к ней заведующая.

– Какого?

– Ну, тот, который с вами жил? – постаралась подвести к ответу заведующая.

– У меня их много, – и она растопырила пальчики на руке. – Папа Саша, папа Миша, папа Вася, папа Володя, – перечисляла она. – И плохой папа Петя. Он хотел украсть меня. А это папа Миша, – и она пальчиком ткнула его.

На попытки узнать у девочки, где они жили в городе или деревне, как называется место, фамилию папы и мамы, она не ответила ни на один из вопросов. Сказалось перенапряжение

от пережитого. Ей стало понятно, что Настя потерянный ребенок, которого родственникам уже никогда не найти. После этого мнение у нее изменилось на противоположное.

– Вы хорошо подумали над удочерением? Тем более, что ваша жена не знает об этом. Как она воспримет это известие? А если будет против? Отказаться от приемной дочери будет уже невозможно.

– Все обдумал, – ответил Буянов. – Я знаю жену и верю, она меня поймет и не будет против.

Об этом он и сказал заведующей.

– У вас есть дети?

– Два мальчика постарше Насти.

– Девочка не будет лишней в вашей семье? Может быть ей лучше остаться в детском доме?

– Девочка, оставшись в таком возрасте сиротой, пережив гибель матери, заслуживает право иметь родителей, – ответил Буянов. Это прозвучало пафосно, но шло от души.

Все это время, пока заведующая решала, как ей поступить в сложившейся ситуации, Настя, обняв папу Мишу, сидела молча, видя в нем защиту.

– Настя, ты хочешь есть? – спохватилась заведующая.

– Хочу, – ответила девочка. – Хочу с папой Мишей, папой Васей, папой Сашей и папой Володей. А потом мы пойдем к маме в больницу.

– Хорошо, Настя, пусть будет по-твоему, – первый раз за время разговора улыбнулась заведующая. Девочка ей нравилась. – Сейчас я позову и других твоих пап. Что-нибудь найдем и для них.

Заведующая, много лет проработавшая с детьми и будучи по натуре доброй, поняла душу ребенка. Настя интуитивно, не осознавая, цеплялась за соломинку, чтобы не оставили ее одну. Она боялась этого. С папами она чувствовала себя в безопасности.

– Ты иди с папой Мишей и тетей Катей в столовую кушать, а я пойду позову всех твоих пап, – пообещала заведующая и позвала няню.

Вошла молодая женщина.

– Катя, отведи их в столовую, а я пойду за остальными. Накормишь тем, что у нас осталось, – проговорила заведующая. – Девочку вымойте, переоденьте и на карантин. К детям не допускать.

Катя протянула руки, чтобы взять девочку.

– Хочу с папой Мишей, – заплакала она и еще крепче обхватила его за шею, напуганная тем, что ее хотят унести от папы Миши.

Заведующая посадила всех за большой стол. Первый раз они ели горячую пищу, как выехали из Москвы.

После того, как их накормили, воспитательница подошла к Насте.

– Настенька, пошли со мной, я тебе покажу много игрушек и ты будешь играть с ними.

– А папа Миша, папа Володя, папа Вася и папа Саша пойдут со мной играть?

– Папа Володя, папа Вася и папа Саша пойдут около дома покурить, а папа Миша останется с тобой, – нашла, что сказать воспитательница, копируя Настю.

– Покурить? – повторила Настя, возможно не осознавая смысл слова.

– Покурить. Ты их отпускаешь?

– Да, – ответила Настя.

После того, как Василий, Саша и Володя ушли, воспитательница взяла Настю на руки и хотела ее унести. Настя протянула обе ручки, подалась к Михаилу и горько зарыдала, понимая своим детским умом, что их разлучают.

Не только для нее, но и для Михаила расставание оказалось тяжелым потрясением. За эти дни он прикипел к ней душой.

– Подождите, – остановил он воспитательницу. Подойдя к Насте, поцеловал ее. – Не плачь, Настенька, все будет у нас с тобой хорошо.

– Хорошая девочка, – проговорила заведующая, когда они возвратились в ее кабинет. – Вернемся к вопросу удочерения. Фамилия, имя и отчество приемных родителей, адрес постоянного местожительства.

Когда все вопросы были исчерпаны, заведующая встала и подала руку.

– Поздравляю вас с очень хорошей дочерью. Сейчас я напишу вам расписку. – И подумав, продолжила. – Добрый вы человек, если в такое тяжелое время не остались равнодушным к судьбе маленького человечка. Мы не можем ее отвезти по вашему адресу. Пока она будет находиться в детском доме.

Она написала расписку, протянула Михаилу и проводила его. Возле наружной двери их ждала няня с сумкой с продуктами, которую она протянула Михаилу.

– О дочери не беспокойтесь, – проговорила заведующая и подала руку. – Берегите себя.

За калиткой на лавочке его ожидали Василий, Володя и Саша.

Из-за забора за ними с любопытством наблюдали десятки пар глаз.

Помахав им, пошли дальше, не зная, что их ждет впереди.

Глава 5. Мы не заключенные

Дорогой их догнали грузовые машины, перевозившие людей. Подняли руки. Машины остановились. Попросили подвести. Сказали куда идут и зачем. Их посадили. Оказалось, перевозили заключенных. Вместе с ними привезли в лагерь за колючей проволокой. Когда машины разгрузились, для проверки всем велели построиться. И им приказано было встать в строй.

– Мы ж не заключенные! – напомнили они, – нас посадили на дороге.

– Встать в строй! Придет начальник лагеря, он и разберется!

А когда начальник придет, не могли ответить. Пришлось подчиниться.

В том, что их задержали, в этом им повезло. Их накормили горячей пищей вместе с заключенными.

Когда пришел начальник, стал выяснять: Кто? Что? Откуда? Они рассказали ему, как попали в лагерь. Проверив документы, опросил охрану и отпустил их.

Глава 6. Кадровый разведчик Ганс Зильберт

Пережив столько за последние дни, решили больше не рисковать и придерживаться железной дороги. В Смоленске должны были окончиться их скитания. Для них он был путеводной звездой.

Солнце уже сравнялось с горизонтом и его последние прощальные лучи, весело играя, озарили все вокруг необыкновенно ярким багряно-красным закатом. Что-то в нем было заключено зловещее. Но им было не до любования небесной красотой заката. Вот сейчас погорит заря и наступит темная ночь. Надо было дотемна остановиться где-нибудь на ночлег. Решили заночевать в лесу, который плотной стеной обступал железную дорогу с обеих сторон.

Свернули в лес. Но чем дальше они углублялись в него, тем сильнее из глубины тянуло сыростью и болотной гнилью. Под ногами зачавкала болотная жижа. В довершение на них напали полчища голодного комарья, от которых не было никакого спасенья и вынудило их снова возвратиться к железной дороге.

За целый день ходьбы сильно устали. Но как не гудели ноги, пришлось им идти дальше в надежде, болото скоро кончится, они заночуют в лесу без сырости, зловонного запаха, главное без комарья.

С наступлением темноты стало трудно идти. Не хотели слушаться ноги. Цеплялись за все, что попадалось на пути. Когда взошла на небосклоне Луна, идти стало легче, но в мерцающем лунном свете от набегавших на нее облаков, обступавший их лес приобретал причудливые, зловещие очертания. Это вызывало чувство страха, подстерегавшей опасности, одиночества.

Где-то на западе шла война. Но там было все более понятным, а здесь из-за любого дерева, куста мог раздаться выстрел или неожиданно появиться немецкие десантники.

Они были хорошо вооруженными карателями. Их в первые дни войны забросили к нам в тыл за сотни километров от линии фронта. Одетые в форму красноармейцев, они сеяли панику среди мирного населения, взрывали, убивали, превращая глубокий тыл в тот же фронт, где не было никому пощады.

Это породило массу всевозможных слухов, порой неверных, доходящих до небывлиц, граничивших с абсурдом, порождавших страх, недоверие у людей. В любом могли подозревать десантника и не было ни к кому веры.

Дорогой им несколько раз попадались немногочисленные группы людей, одетые в форму красноармейцев, но они старались избегать встречи с ними и обходили стороной.

Пройдя еще километра полтора, они, в буквальном смысле, уткнулись в небольшую станцинюшку, скрытую от глаз растущими вокруг высокими деревьями и густо разросшимся кустарником. Вокруг ни одной горящей электрической лампочки. Полная светомаскировка.

Темная, одинокая станция на забытом всеми полустанке, она казалась заброшенной и вызывала ощущение пустоты, поспешного бегства. Вокруг ни одного огонька. Темное небо, на котором ещё не взошла Луна, близко подступавший к станции такой же тёмный лес, вызывали ощущение пустоты, поспешного бегства.

В такую теплую летнюю ночь, если бы здесь были люди, кто-то же должен быть снаружи, хотя бы для того, чтобы перекурить под ясным, усеянным звездами, ночном небе.

Обсудив, решили войти в вокзал, узнать у дежурного о движении поездов на Восток. Если поездов не будет, можно будет отдохнуть, а рано утром снова в путь.

Небольшой вокзал, какие обычно бывают на полустанках, показался им брошенным.

Осторожно обошли вокруг здание снаружи, заглядывая в окна. Они, как пустые глазницы, были такими же темными без единого проблеска огонька изнутри. Сквозь светомаскировку наружу не пробивался свет. Не обнаружив ничего подозрительного, что бы их заставило отказаться от мысли провести здесь ночь, подошли к двери. Прислушались. Вокруг тишина.

Решили войти во внутрь. Отказаться от мысли провести здесь ночь, было выше их сил. Пять суток они шли. За это время сильно вымотались. Ногам, всему телу требовался отдых. Тянуло поскорее растянуться на деревянных лавках, как на самой прекрасной постели, и проспать до утра.

Входная дверь, ведущая в зал, оказалась не запертой. Буянов осторожно приоткрыл ее и заглянул внутрь. Кромешная темнота. Свет от зажженной спички на какое-то мгновение разогнал темноту. Этого было достаточно, чтобы убедиться, в зале никого нет, что он в спешке был покинут, о чем свидетельствовали в беспорядке стоящие скамейки. Возможно, что до них здесь была воинская часть, пока состав стоял на полустанке.

Войдя в зал, Буянов тут же с шумом плюхнулся на скамейку. За ним остальные.

– В темноте, да не в обиде, – перефразировал Буянов на свой лад известную поговорку. Для безопасности попробовали закрыть дверь изнутри. Не получилось.

Тихо вокруг. Только слышно, как пищат мыши.

Поели в темноте и расположились на ночлег. На душе повеселело. Неожиданно тишину взорвал возбужденный мужской голос, доносившийся откуда-то из глубины, заглушаемый плотно закрытой дверью. Он не говорил, а громко кричал в телефонную трубку. Возможно, его не было слышно на другом конце провода, а может быть связь постоянно прерывалась. Он паниковал. Объяснял, что на разъезде остался он один без охраны. В любой момент сюда могут нагрянуть десантники. В таких условиях дальше на разъезде он не останется.

На станции, показавшейся им покинутой, оказывается оставался дежурный. На душе повеселело. Надо было дождаться, когда закончатся выяснения и узнать у него насчёт поезда, а потом перекусить. Буянов достал папиросы, закурил и предложил остальным. Они отказались.

Выяснение по телефону, продолжавшееся довольно долго, неожиданно оборвалось. Наступила тишина, не нарушаемая ничем.

Только где-то снизу под полом было слышно, как скреблись мыши.

– Пошел к дежурному, – приглушенно проговорил Буянов. Он поднялся. Сильно затянувшись папиросой, свет которой служил ему фонариком, громко закашлялся и пошел к двери, откуда до этого слышался голос.

В этот момент дверь с шумом распахнулась. В проёме высветились размытые, плохо угадываемые контуры человека. Увидев по огоньку папиросы, что в зале еще кто-то есть кроме него, дежурный перепугался и пулей выскочил из зала наружу, громко хлопнув за собой входной дверью.

– Сволочь, гад! – только и успел послать ему вдогонку Буянов.

Такой неожиданный поворот вызвал у них прилив неприятного ощущения и тревоги, а Саше передался еще испуг и страх дежурного. На него это повлияло сильнее, чем на остальных. Сказалась пережитая бомбежка и нервное перенапряжение, которое пришлось пережить ему, помогая раненым.

На покинутом и всеми забытом разъезде, теперь кроме них никого больше не было.

– Плохи наши дела, если даже дежурный сбежал, – прервал наступившее молчание Буянов.

– А что с нами будет, если десантники по пятам за нами идут и придут сюда? Что тогда будем делать? – заволновался Саша. – Может уйдем отсюда. Там хоть бежать есть куда, а здесь и спрятаться негде. Отсюда не убежишь.

– Там то же самое, – и Буянов машинально кивнул головой, не придав значения, что в темноте никто этого не видит. – Похоже, десантников здесь нет, иначе бы они заняли станцию. Идти сейчас еще хуже. Ночью в темноте быстрее нарвемся на них. Перестреляют. Что будет, то и будет. Давайте останемся здесь, а рано утром с восходом Солнца уйдем отсюда.

– Зачем только мы пришли сюда? Надо уходить отсюда, пока не поздно. У меня нехорошее предчувствие, – шепотом, словно боясь, что его могут услышать, продолжил Саша. Он не в состоянии был преодолеть нахлынувший на него страх, близкий к ужасу.

Один Владимир не принимал участия в разговоре. Он крепко спал.

– Я за то, чтобы остаться, – поддержал Василий. Ему не хотелось отсюда уходить. Горели ноги, растертые до крови. Они были словно в огне. За малоношенные полуботинки, которые он надел в дорогу, теперь пришлось жестоко расплачиваться за это.

Сейчас война воспринималась им совсем по-другому. Он посмотрел на себя, как бы, со стороны. От прежнего представления о войне, в которой нашлось место шляпе, макинтошу, рубашке с отложным воротничком под галстук, полуботинкам, не осталось и следа. Может быть и оделся бы он попроще, но ничего другого у него не было. А идти до Смоленска было еще далеко. Если мерить днями, то три-четыре, если они когда-нибудь дойдут дотуда.

На него напала апатия, безразличие от пережитого за последние дни. Вокруг все растворилось и он не заметил, как заснул. За ним Михаил.

Саша бодрствовал. Сидя на лавке, гнал прочь от себя сон. Боялся заснуть. Сонных их могут прикончить парашютисты. Он впал в состояние срыва и ожидания неминуемой беды, не пропускал ни единого звука. Прислушивался к каждому шороху. Когда под полом начинали скрести мыши, вздрагивал.

«Скорее бы кончилась эта ночь и мы уйдем отсюда», – эта мысль была для него как заклинание, крепко засевшая у него в голове. Она преследовала его, не оставляла ни на минуту, доведя до иступления. Если бы остальные не спали, он не был так одинок, как сейчас. Нервы не выдержали, сдали. Он разбудил Буянова.

– Ты чего? – спросонья вскочил Михаил, не поняв, что произошло, готовый разбудить Василия и Владимира.

– Не могу оставаться здесь. Не-мо-гу! Это гнетущая тишина вокруг, а за ней мне постоянно кажется, что мы здесь ни одни. У меня нехорошее предчувствие. Здесь кто-то есть, кроме нас! Пойдемте отсюда, – умолял он. – Здесь так страшно!

Саша уже не мог скрыть своего состояния, в котором находился.

– Не терзай себя, приляг, нам еще идти и идти, – попытался успокоить его Буянов. – Потерпи. Осталось до утра совсем немного. Скоро рассветет и мы уйдем отсюда. Что здесь, что там, один хрен!

– Если вы не хотите уходить, тогда не удерживайте меня, – взмолился Саша.

Бесполезно было уговорить его оставаться до утра. Поняв, что слова не доходят до Сашиного сознания, махнул на него рукой, как на безнадежного.

– Поступай, как знаешь! – сорвался он.

– Меня не ищите. Я буду здесь, недалеко, на лавочке. Увижу вас первым, когда будете выходить, – проговорил Саша.

– Только далеко не уходи, – предусмотрительно предупредил его Буянов.

Тихо за ним скрипнула входная дверь и снова наступила тишина.

Буянов, как более опытный и старший по возрасту, понимал, что у Саши произошел нервный срыв, когда он помогал раненым под бомбежкой. Безрассудно отчаянный, когда нужна была его помощь другим, но самый молодой из них, возможно и физически более слабый, он не выдержал нагрузки и сломался. Утром по-дружески посмеемся над ним, как он ночью в штаны наложил, – и Буянов, впервые за последнее время, улыбнулся. Страха, какой мучил Сашу, у него не было. Он был уверен, на разъезде, кроме них, никого нет. И крепкий сон снова сковал его.

И снится ему нехороший сон, будто снаружи вокзала кого-то бьют и он страшно, не своим голосом кричит. И так от этого ему стало нехорошо. Он проснулся. Это был не сон. Все происходило наяву.

Вопль отчаяния, душераздирающий предсмертный крик, переходящий в хрип, доносился снаружи здания. Там за стеной душили человека. Он понял, Сашку. Крик то затихал, то становился громче. Мурашки побежали по коже, холодный пот выступил на лбу.

Он растормошил Василия и Володю. Они вскочили.

– Что произошло?

– Десантники! Сашку душат, – прошептал Буянов, – бежать надо, может успеем.

Звонко, словно удар бича, прозвучал одиночный выстрел и все смолкло.

Спрятаться в зале было негде. Оказавшись в ловушке, из нее для них был только один выход, как у Саши.

Они не успели выбежать. С шумом распахнулась снаружи входная дверь. Дорогу им преградили несколько человек. Жесткий яркий свет карманного фонарика, направленный в лицо, ослепил, заставил отступить, опустить голову и закрыть глаза. Сомнений не было, десантники.

– Кто такие? Что здесь делаете? – с акцентом, из темноты, задал вопрос десантник. Их не было видно. Голос шел из темноты. Яркий луч фонарика слепил глаза, не позволяя открыть их.

В минуту наивысшей опасности у Василия мгновенно возник план возможного спасения. Только бы успеть раньше, чем ответят Михаил и Владимир, – промелькнула в сознании тревожная мысль.

– Германский офицер (нем), – мобилизовав всю свою волю, стараясь держаться как можно спокойнее, на хорошем немецком языке ответил он, хотя внутри все было готово разорваться. Кровь прилила к вискам и они стучали как два больших паровых молота. Только бы не сорваться, не подвели бы нервы.

Дальше весь разговор шел на немецком языке.

Свет фонарика скользнул вниз и он смог отвести руку от глаз.

– Ганс Зильбер из Берлина, – продолжил он, вспомнив имя и фамилию немца, с которым ему пришлось общаться в Германии.

– Документы, – приказал десантник.

– Бите, бите, – ответил Елисеев, полез в карман, достал документы и протянул их десантнику.

Буянов и Орочко оказались в полной растерянности. Стояли молча, не понимая, что происходит. Немецкого оба не знали, поэтому не могли понять происходящее. Буянов, уловив одно единственное слово «офицер», понял, Василий немецкий шпион, выдававший себя за красного командира. Потому он улегся спать и не хотел уходить из вокзала. Как он раньше его не распознал? Волна ненависти охватила его. Он был готов схватить его за горло и задушить мертвой хваткой. А там все равно, каким будет конец для него и Владимира. Он все понял и был готов к этому.

Десантник раскрыл военный билет.

Второй десантник, светивший в лицо, перевел луч фонаря на документ.

– Елизев Василий Ильич, старший лейтенант, – в свете карманного фонарика, читал вслух десантник. У него было крупное лицо с выделяющимися на нем скулами. В нем чувствовалась натренированность, сила.

Теперь, когда свет фонарика не светил в глаза, можно было рассмотреть десантников. Их было трое, одетые в красноармейскую форму. С ними была женщина в темном платье с вуалью на голове. Кем она была, какую выполняла роль, зачем она здесь, было непонятно?

– Направление в Брест, – продолжал читать десантник.

– Цель? – задал вопрос десантник.

– Выполняю спецзадание по внедрению в Красную Армию, разложению красноармейцев, распространению слухов о неминуемой нашей победе.

– Когда оказался в Советском Союзе?

– Несколько лет назад как кадровый разведчик. Скрывался под фамилией Елизев. По поддельным документам советского офицера получил направление в Брест. Ночью подавал нашим летчикам с последнего вагона сигналы фонариком. Охрана поезда обнаружила. Пришлось прыгать на ходу.

– А это кто такие? – десантник больно ткнул пальцем в Буянова и Орочко.

– Мои помощники. Завербованные мною советские офицеры.

– А сейчас куда идете?

– В Смоленск на переформирование, чтобы там внедриться в Красную Армию.

– В Смоленск? – сделав ударение на букве «о», переспросил десантник.

– В Смоленск, Смоленск, – повторил Елисеев с ударением на той же букве.

Десантник не торопился с допросом. Чувствуя себя хозяином положения, продолжил.

– Господин офицер, ты утверждаешь, что жил в Берлине, – десантник перешел на обращение «господин».

– Да, – подтвердил Елисеев.

– Берлин я неплохо знаю. На какой улице жил, только быстро!

В Германии большую часть времени Елисеев прожил в Берлине. Вечерами, гуляя по освещенным рекламами улицам, заходил в магазины, подолгу останавливался возле встречавшихся памятников, каких было немало в городе и неплохо изучил город. Жил в центре в гостинице Савойя на улице Карл Маркс штат. Гостиница была, он не забыл, под номером 34. Рядом с ней большой жилой дом, который должен быть под номером 36. Счет номеров шел от площади «Гамбургской».

– Улица Карл Маркс штат, 36, – без запинки ответил он.

Десантник промолчал на это, обдумывая очередной вопрос.

– А чем еще можешь доказать, что ты немецкий офицер, а не советский шпион?

В памяти лихорадочно возник один эпизод. В Берлине он купил часы, которые на другой день поломались. Когда пришел с ними к хозяину магазина, тот долго перед ним извинялся, очень просил никому не рассказывать об этом неприятном для него случае. Часы были дорогие в корпусе из нержавеющей стали, которая входила в моду и вытеснила золото. Других часов той же марки в магазине не оказалось. Хозяин попросил оставить купленные часы, а утром в магазине будут новые. Прощаясь, дал ему свою визитную карточку, на которой было написано Вильгельм Лонге. И вот теперь этой фамилией он решил воспользоваться.

Он протянул руку с надетыми на ней часами.

– «Лонжин». Купил их в часовом одноэтажном магазине недалеко от ресторана Берлин. Хозяином этого магазина был Вильгельм Лонге, с которым я хорошо знаком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.